

УДК 94(438).074«1915/1918»; ББК 63(3); DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.113>

А. И. Рупасов

Рецензия на книгу: Aleksander Szklennik. «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». Dziennik. Wstęp i opracowanie Joanna Gierowska-Kallaур. Część I. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2018. 960 s. ISBN 978-83-65880-36-9; Część II. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. 1067 s. ISBN 978-83-65880-77-2 / Morfozy społeczne. 18.

Несколько лет профессор Йоанна Геровска-Каллаур посвятила изучению исключительно интересного источника — дневника жителя Вильны (Вильнюса), поляка по национальности Александра Шкленника, одного из активных пропагандистов кооперативного движения, представителя польской национальной демократии. Результатом исследования стало издание в 2018–2019 гг. двух томов дневниковых записей, охватывающих период, предшествовавший оккупации Виленского края германскими войсками и до разразившейся в ноябре 1918 г. в Германии революции. Опубликованный дневник представляет собой единственную в распоряжении историков столь обширную и потрясающе точную картину повседневной жизни города на реке Нерис во время германской оккупации. Картина реальной ситуации в Вильне и Виленском крае в 1915–1918 гг., как подчеркивает в предисловии к первой части Й. Геровска-Каллаур, длительное время оставалась нечеткой, размытой, поскольку сказывалась не только односторонность

© А. И. Рупасов, 2022

польской историографии, но и влияние немецкой и литовской исторической политики, мифа об основании Белорусской Народной Республики. Для польской историографии, наиболее существенным фактором, ограничивающим возможность проведения достоверного исторического анализа ситуации в Вильне, было отсутствие доступа польских историков к источникам, остающимся в «архивном рассеянии» за пределами Польши, тогда как эпистографические свидетельства сохранились в ничтожных количествах.

Подготовка публикации была осложнена рядом факторов. Одним из них была склонность А. Шкленника дополнять дневниковые записи вырезками из прессы (например, из «*Dziennik Wileński*» и выходившей в Ченстохове «*Dziennik Polski*», а также из запрещенных в Вильнюсе познанских и варшавских газет, которые, если верить Шкленнику, можно было время от времени купить у немецких офицеров польской национальности, возвращавшихся из отпуска на службу), цитатами из листовок, объявлений оккупационных властей, которые читателю, безусловно, добавляют немаловажные нюансы к пониманию общей городской атмосферы, но ставили перед публикатором вопрос о том, насколько необходимым является их воспроизведение. В основном эти вырезки касались так называемой прозы повседневной жизни. То, что эти материалы не были отвергнуты, можно только приветствовать, хотя бы уже в силу того, что далеко не все номера газет сохранились. Некоторые из этих вклеек в дневник воспроизведены в приложении ко второму тому.

Однако не только эту проблему приходилось решать при подготовке дневника к печати. Как отмечает Й. Геровска-Каллаур, значительные затруднения вызвало огромное количество сокращений в тексте: Александр Шкленник часто избегал писать имена полностью, использовал только инициалы. Он не хотел подвергать неприятностям ни себя, ни других. Ведь обвинение немецких властей против священника Ежи Сенкевича было основано на информации из украденного у того личного дневника. Масштаб работы публикатора по выяснению конкретных имен читатель может без труда представить себе, только пролистав страницы издания. Следует также учитывать, что Геровской-Каллаур приходилось работать с текстом, который был в свое время переписан родственницей Александра Шкленника Анной Меницкой. Она, будучи сотрудником университета в Вильне, передала в 1936 г. Виленскому товариществу друзей науки рукопись (ныне хранящуюся в Литовском историческом архиве), предварительно переписав ее разборчивым почерком, но, как выяснилось, далеко не всегда оказывалась способной прочесть неразборчиво написанные имена и фамилии, допускала пропуски в тексте, искажала написание некоторых имен. Геровска-Каллаур предполагает, что Анна Меницкая взялась за эту работу по просьбе своего брата Рышарда, историка, работавшего в Ягеллонском университете и в университете Стефана Батория.

Насколько кропотливой была работа Й. Геровской-Каллаур с источником, свидетельствуют те комментарии, которыми снабжена публикация. Это не только отсылки к изданным источникам, но и к целому ряду фондов Центрального государственного архива Литвы (*Lietuvos centriniis valstybės archyvas*), фондов Библиотеки Врублевского (*Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka*), к материалам Отдела рукописей Национальной библиотеки в Варшаве.

Собрать сведения об авторе дневника особых затруднений не представляло, поскольку тот был в Вильне личностью известной, публичной. Александр Шкленник (1864–1921) по окончании школы в Белостоке поступил в 1885 г. в Технологический

институт в Санкт-Петербурге, который окончил в 1890 г. Служить в российской армии ему не довелось. Получив диплом, он недолго работал на Урале, затем перебрался в Двинск (Дюнабург), заняв должность помощника управляющего мастерскими Двинско-Витебской железной дороги. Тяга к перемене мест уже в 1893 г. привела его в Абаканский острог, где он пару лет был директором металлургического завода, но уже в 1895 г. он снова сменил место работы, став начальником строительства гидротехнических сооружений Транссибирского железного пути. В 1900–1902 гг., благодаря свободному владению французским и немецким языками, Шкленник получил назначение на должность представителя Китайской Восточной железной дороги в Бельгии и Франции. Позже, проработав несколько лет инженером в Москве, он решил посвятить себя кооперативному делу, основав в 1908 г. в Вильне общество содействия кооперации. До последних минут своей жизни он был членом правления и президентом Ассоциации потребителей «Zjednoczenie» («Единство»). Даже в период германской оккупации Виленского края он принял, например, участие в Люблине в конференции по кооперативному движению в феврале 1918 г. в качестве делегата кооперативов Вильны.

Весь дневник Александра Шкленника — это девять тетрадей записей, имевших общее название «Воспоминания о событиях в Вильнюсе и в стране». Он начал вести записи, когда российские власти в Вильне стали готовиться к эвакуации, а жители пребывали в размышлениях о том, чего следует ждать в будущем. Когда угроза занятия Виленского края германскими войсками стала реальной, Шкленник вместе с Габриэлем Соколовским и инженером Юлианом Янушевским, как представители польских демократов в Вильне, вступили в переговоры с представителями литовских евреев, литовцев и белорусов, чтобы выработать общую тактику в отношении оккупационных властей. Неудача этих переговоров была обусловлена нежеланием литовских и белорусских лидеров учитывать интересы польской общины, закрывая глаза на тот факт, что Вильна по своему национальному составу был польско-еврейским городом, в котором, что и подтвердила проведенная позже оккупационными властями перепись, литовцы и белорусы были меньшинством. В новой политической и военной ситуации белорусские и литовские лидеры видели возможности для реализации своих собственных целей и не чувствовали лояльности ни к полякам, ни даже к польским демократам, каковым являлся Александр Шкленник.

Нельзя не согласиться с мнением Й. Геровской-Каллаур, что знакомство с дневниковыми записями оставляет очень четкое впечатление о тщательности продуманности и последовательности политики германской администрации Обер-Оста. Особенно четко это фиксируется в записях, относящихся к периоду весны–осени 1916 г. в отношении образовательных и культурных инициатив разных национальностей: если инициативы со стороны польской общины фактически глушились, то для схожих инициатив литовской и белорусской общин создавался исключительно благоприятный климат. При этом она отмечает, что культурная дистанция между общинами разных народов была настолько особо сильно выражена в Вильне, что даже многие поляки со взглядами, весьма далекими от взглядов польской национальной демократии, были склонны думать, что единственным выходом из ситуации, ради общего блага, было бы «взять под опеку» жителей края. Германская оккупационная администрация использовала, с одной стороны, российский «патент» на поддержку меньшинств за счет большинства, а с другой — подъем национальных настроений на территории оккупированных

западных российских губерний. Легко прогнозируемые эмоции, разделявшие различные группы жителей бывшего Литовского княжества, умело усиливаемые, раздуваемые, а иногда и провоцируемые, стали успешным инструментом немецкой политики — именно это фиксировал в своем дневнике Александр Шкленник.

Выходя уже за хронологические рамки дневника Шкленника, Геровска-Каллаур особо подчеркивает, что чувство несправедливости, испытываемое литовскими поляками, которые с 1905 г. были осаждены требованиями литовцев «вернуть» Вильнюс, город, построенный и любимый поляками, обернулось против умелых бенефициаров немецкой политики — литовцев. Вследствие событий, происходивших во время немецкой оккупации, образование некоего польско-литовско-белорусского центрально-европейского союза с каждым днем становилось все менее возможным, что вполне соответствовало реализации политических целей Германии на Востоке. С годами спираль обиды между литовскими поляками и литовцами росла в геометрической прогрессии. Вражда множилась не только между литовцами, белорусами, евреями и поляками, но и между поляками-федералистами и поляками-инкорпорационистами, между белорусами (разрывавшимися между Каунасом, Варшавой, Берлином и Москвой) и между литовцами. И как вывод: общая история в результате различных «национальных интерпретаций» стала разделять, а не объединять. Не вдаваясь в подробности, Й. Геровска-Каллаур лишь замечает: «Это был период потрясений во всей Центральной и Восточной Европе, период создания новых государств и борьбы за их границы. Интересы наследников Речи Посполитой в новой реальности, возникшей в Виленском крае после немецкого вторжения, стали резко расходиться. Литовский путь создания собственного национального государства очень плохо зафиксирован в исторической памяти поляков, а последовательно проводимая литовская историческая политика привела к невозможности польско-литовского сотрудничества даже при редактировании этого дневника XX века в XXI веке».

На страницах дневника немало информации о рабочем движении, к организации которого имела прямое отношение католическая церковь. В сельской местности русскими владельцами, эвакуировавшимися на восток в 1915 г., было оставлено большое количество усадеб, тогда как польские владельцы, напротив, прислушались к призывам духовенства и остались на месте, переживая многочисленные германские реквизиции. При этом особое значение имел тот фактор, что с конца 1916 г. германские власти стали распространять слухи о том, что «господа» планируют вернуться к крепостному праву. Германские реквизиции в сельской местности имели своим следствием то, что в самой Вильне все хуже и хуже становилось со снабжением, при этом рост цен значительно превосходил тот, который был отмечен, например, в Каунасе. Снабжение города продовольствием рухнуло в четыре раза по сравнению с довоенным периодом. Наиболее острой проблемой в последнем квартале 1915 г. стали проводимые немцами реквизиции в самой Вильне. Жители города также должны были обеспечить 1637 кроватей постельными принадлежностями, что в то время было очень серьезным финансовым бременем. Оружие и телефонное оборудование были конфискованы. Положение жителей Вильны не улучшил и принудительный миллионный «кредит», о котором немецкие власти объявили 11 сентября 1916 г. и который был возложен на определенный круг людей после оценки их капитала. По мнению Польского комитета помощи в Вильне, все новые налоги, введенные вместе с военным займом, составили 7 миллионов марок.

Мобилизация на принудительные работы населения края вела к резкому росту смертности.

Содержание дневника Александра Шкленника резко меняется осенью 1918 г. Й. Геровска-Каллаур полагает, что это было обусловлено тем, что по каким-то причинам он оказался лишен былых источников информации. В основном он фиксирует газетную информацию, а не содержание своих бесед с людьми. Она полагает, что это было обусловлено исключительно резкой политической поляризацией в Вильне, повлекшей разрыв былых контактов. Также возможно и то, что в эти месяцы шестидесятилетний холостяк был болен. Бурные события, происходившие в городе в ноябре–декабре 1918 г., оказались освещенными в дневнике очень скупо.

Интерес Йоанны Геровской-Каллаур к истории кресов в годы Первой мировой войны и восстановлению независимости Польши проявился давно. Ранее она не раз обращалась к теме кресов (в том числе «Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 r. – 9 września 1920 r.)» (2003), Raporty Straży Kresowej 1919–1920: Ziem Północno-Wschodnich opisanie (2011) и во многих других работах). Любая из ее опубликованных работ является свидетельством высокого профессионализма и искреннего интереса к исследуемому предмету.

Информация о статье

Автор: Рупасов, Александр Иванович — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории, Российская академия наук, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0002-3172-6205, Scopus ID 57192893968, SPIN-код: 7846-0397; e-mail: rupasov_ai@mail.ru

Заголовок: Рецензия на: Aleksander Szklennik. «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». Dziennik. Wstęp i opracowanie Joanna Gierowska-Kałaaur. Część I. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2018. 960 s. ISBN 978-83-65880-36-9; Część II. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. 1067 s. ISBN 978-83-65880-77-2 / Morfozy społeczne. 18.

Резюме: Рецензия на издание дневника Александра Шкленника, видного деятеля кооперации в г. Вильна (Вильнюс), который он начал вести за несколько месяцев до начала германской оккупации города и до Ноябрьской революции в Германии. Рукопись дневника была передана через 15 лет после смерти автора его родственникам Виленскому товариществу друзей науки. Издание дневника было осуществлено доктором Йоанной Геровской-Каллаур. Опубликованный дневник представляет собой единственную в распоряжении историков обширную и точную картину повседневной жизни Вильны во время германской оккупации. Картина реальной ситуации в городе и Виленском крае в 1915–1918 гг. длительное время оставалась нечеткой, поскольку сказывались односторонность польской историографии, влияние немецкой и литовской исторической политики, мифа об основании Белорусской Народной Республики. Для польской историографии наиболее существенным фактором, ограничивающим возможность проведения достоверного исторического анализа ситуации в Вильне, было отсутствие доступа польских историков к источникам, рассеянным за пределами Польши. Текст дневника, изобилующий деталями повседневной жизни города, описанием политических разногласий между национальными общинами (поляков, литовцев, белорусов, евреев) позволяет воссоздать исчерпывающую картину жизни города в оккупационный период.

Ключевые слова: Вильна, Первая мировая война, германская оккупация, население, межнациональные отношения, историография, исторический источник

Information about the article

Author: Rupasov, Alexander Ivanovich — Dr. Sc. in History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0002-3172-6205, Scopus ID 57192893968, SPIN-code 7846-0397; e-mail: rupasov_ai@mail.ru

Title: Review on: Aleksander Szklennik. «Wspomnienia o wydarzeniach w Wilnie i w kraju». Dziennik. Wstęp i opracowanie Joanna Gierowska-Kałaaur. Część I. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2018. 960 s. ISBN 978-83-65880-36-9; Część II. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. 1067 s. ISBN 978-83-65880-77-2 / Morfozy społeczne. 18.

Summary: A review of an edition of the diary of a prominent figure in the Vilna (Vilnius) cooperative Alexander Szklennik, which he began keeping a few months before the German occupation of the city and before the November Revolution in Germany. The manuscript of the diary was donated 15 years after the author's death by his relatives to the Vilna Association of Friends of Science. Its publication was carried out by Dr Joanna Gierowska-Kałuża. The published diary is the only such comprehensive and stunningly accurate picture at the disposal of historians of everyday life in Vilna during the German occupation. The picture of the real situation in Vilna and the Vilna region in 1915–1918 remained unclear for a long time, due to the one-sidedness of Polish historiography, the influence of German and Lithuanian historical politics and the myth of the foundation of the Belarusian People's Republic. For Polish historiography, the most significant factor limiting the possibility of a reliable historical analysis of the situation in Vilna was the lack of access for Polish historians to the sources remaining in «archival dispersal» outside Poland. The diary's text, replete with details of everyday life in the city and descriptions of political disagreements between the national communities (Poles, Lithuanians, Belarusians and Jews), makes it possible to recreate a comprehensive picture of life in the city during the occupation period.

Keywords: Vilna, World War I, German occupation, population, interethnic relations, historiography, historical sources